

ИРИНА ЗАБАРОВСКАЯ

ЭХО ПРОШЕДШЕГО ЛЕТА

Ирина Забаровская

Эхо прошедшего лета

<https://litres.ru/74534974>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двадцать лет Кристина не возвращалась в родной Степногорск. И была уверена, что возвращаться ей незачем.

После смерти бабушки она приезжает всего на несколько дней — разобрать старую квартиру, продать её и снова уехать. Но среди забытых вещей находит кружевной платок с бурыми пятнами крови. Он принадлежал Ане Соколовой — её лучшей подруге, погибшей летом 2005 года. Вот только Кристина почти не помнит ни Аню, ни то лето.

Чем настойчивее она пытается восстановить события двадцатилетней давности, тем больше странностей обнаруживает. Родители явно что-то скрывают. Старые знакомые путаются в воспоминаниях. В могиле Ани, похоже, никогда не было её тела. А человек, пытавшийся разобраться в случившемся двадцать лет назад, бесследно исчез. Кто-то очень постарался, чтобы правда о том августе была забыта. И больше всех — чтобы её забыла сама Кристина.

Но память уже начала возвращаться.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	11
Глава 3.	17
Глава 4.	24
Глава 5.	30
Глава 6.	36
Глава 7.	41
Глава 8.	50
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Ирина Забаровская

Эхо прошедшего лета

Глава 1.

В поезде пахло перегретым дерматином, остывающим чаем из казенного титана и чужими жизнями. Кондиционер в вагоне то ли не справлялся, то ли отключился еще на прошлой узловой станции: в узком купе воздух замер плотной, липкой массой, не приносящей облегчения даже при случайных дуновениях сквозняка, когда мимо по коридору пробежали дети, которым было невероятно скучно сидеть на своих местах.

Кристина прижала лоб к стеклу. Металлическая рама мелко, монотонно вибрировала в такт стуку колес, отзываясь тупой тяжестью в висках. За окном мелькали бесконечные полосы выгоревшей травы, ржавые скелеты старых комбайнов на опушках, редкие березовые колки и бетонные столбы с провисшими проводами. Довольно безрадостная картина, вкупе с духотой, портила настроение еще больше.

Август. Злой, сухой, бесконечный полдень. Выжженные поля, которые некому было засеивать. Все, как и много лет назад.

Она не была в родных краях целую вечность, двадцать лет,

если быть точной, с тех пор, как уехала в гимназию-интернат после девятого класса. Если не считать тех двух суток пять лет назад на бабушкиных похоронах. Но они стерлись из памяти почти полностью, превратившись в серое, смазанное пятно: запах ладана, черный синтетический шарф на голове, чужие неловкие соболезнования, комья глинистой земли, глухо ударявшиеся о крышку гроба, и скорый поезд обратно. Кристина тогда выпила две таблетки снотворного еще на перроне и отключилась до самого утра, вычеркнув город из памяти в ту же секунду, как закрылись двери вагона.

Все эти годы она жила в абсолютной уверенности, что возвращаться туда нет ни малейшей причины.

Мама с отцом сами навещали ее: дважды в год привозили тяжелые сумки с солеными огурцами и вареньем, с любопытством осматривали ее съемную, а позже и собственную квартиру, вздыхали, советовали больше спать и не пропадать на работе до полуночи, и, конечно же, пытались откормить. «А то на своих городских харчах совсем отошала», — каждый раз переживала мама. На все их приглашения (хотя весьма ненавязчивые) приехать хотя бы на недельку летом Кристина привычно отмахивалась: горящие проекты, сдача квартальных отчетов, командировки, ремонт. Всегда находилась уважительная причина остаться. Город детства казался далекой, заросшей бурьяном обочиной, не имевшей к ее взрослой, выстроенной по линейке жизни никакого отношения.

А потом что-то щелкнуло.

Всего неделю назад, в обычный душный вторник, перебирая папку с документами, она наткнулась на свидетельство о праве на наследство. Пять лет двухкомнатная квартира на третьем этаже стояла запертой, накапливая квитанции за коммуналку, которые отец исправно оплачивал с пенсии, отказываясь от ее денег. «Чего ей стоять тут, Кристиночка? Реши уже что-нибудь, пока наш городок совсем не вымер», — как-то осторожно обронила мать по телефону.

Кристина могла бы оформить генеральную доверенность у нотариуса за двадцать минут. Отправить родителям или местному риелтору — пусть сами показывают, выносят рухлядь, подписывают акты. Это было бы логично, быстро и безопасно.

Вместо этого она в тот же вечер взяла отпуск за свой счет, купила билет на любимую когда-то верхнюю полку в купе и собрала небольшой чемодан.

Она не смогла бы объяснить даже себе, зачем тащится сюда по сорокаградусному пеклу. Ей казалось, что это просто практичность: нужно лично разобрать бабушкины книги, решить судьбу старинного буфета и закрыть уже этот вопрос с квартирой. Но где-то в душе, в самых дальних уголках памяти, зудело странное, немое предчувствие, будто ее вели за руку. Будто какая-то старая ржавая пружина из прошлого наконец лопнула и потянула ее назад — туда, где время остановилось в такой же душный, пахнущий полыньей август.

В проходе зашуршали пакеты. Проводница — грузная

женщина с растрепанной челкой, изнывающая от жары в своей униформе — прошла по дорожке, постукивая ключами о поручни:

— Через сорок минут станция Степногорск. Стоянка десять минут. Сдаем белье, граждане.

Кристина оторвалась от горячего стекла. Сердце почему-то заколотилось быстро и глухо, подступая к самому горлу.

Она достала из сумки влажную салфетку, вытерла вспотевшую шею и взглянула на свое отражение в тусклом зеркале на двери купе. Взрослая, серьезная тридцатипятилетняя женщина с аккуратным каре и собранным взглядом. Ничего общего с той нескладной девочкой-подростком, которой она когда-то уехала отсюда.

Поезд сбавил ход, протяжно и тоскливо взыв на стрелке. За окном потянулись серые бетонные заборы с колючей проволокой, гаражные кооперативы и первые приземистые пятиэтажки из силикатного кирпича.

Город ждал свою заблудшую жительницу.

Наконец, вагоны со скрежетом встали, вздрогнув металлическим телом. Двери с шипением разъехались, и в тамбур ворвался раскаленный воздух — густой, пахнувший креозотом, раскаленным щебнем и горьковатой, сожженной солнцем пылью. Этот запах не изменился ни на йоту; он будто законсервировался во времени и теперь мгновенно осел на языке знакомой сухой пылью.

Кристина спустилась по узким железным ступеням, щурясь от безжалостного солнечного света.

Отец стоял чуть в стороне от редкой толпы встречающих — под выцветшим жестяным козырьком вокзала. В неизменной выстиранной рубашке с коротким рукавом, в серых брюках, подогнутых снизу, с кепкой в жилистых, загрубевших руках. Он заметно сдал за те полгода, что они не виделись: плечи сильнее подались вперед, а седина на висках окончательно вытеснила прежнюю темную густоту волос. Заметив Кристину, он неловко и радостно заулыбался, торопливо сунул кепку под мышку и зашагал навстречу.

— Доехала, дочка, — выдохнул он, неуклюже прижимая ее к себе. От него пахло бензином, табаком и хозяйственным мылом — до боли родным, детским запахом защищенности. — А мать там места себе не находит, пирогов напекла, окрошку с утра уже в холодильник поставила, чтобы холодная была. Как ты? Не укачало в такой духоте?

— Все хорошо, пап. Просто жарко, — улыбнулась она, отдавая ему чемодан, за который он тут же ухватился с ревностным упрямством пожилого человека, не желающего казаться слабым.

Они пошли к старой вишневой «девятке», дремавшей в скудной тени чахлого вяза у привокзальной площади.

Родители были невероятно счастливы, когда она позвонила и сказала, что берет билет. Пять лет они деликатно обходили тему бабушкиного жилья стороной. В этом городке

сдать двухкомнатную «хрущевку» с окнами на глухой двор было попросту некому: молодежь после школы стремилась сбежать на учебу в областной центр или в столицу, предприятия закрывались одно за другим, а редкие командировочные предпочитали ведомственную гостиницу у трассы. Пускать же случайных чужаков или местных выпивох мать наотрез отказывалась — слишком свежа была память о бабушке, слишком бережно хранились вышитые ею салфетки и стопки выглаженного белья.

Так квартира и стояла мертвым грузом. Отец исправно ходил раз в месяц снимать показания счетчиков, поливал герань, пока та окончательно не засохла на подоконнике, и смазывал скрипучие петли. Продать ее Кристина особо не надеялась — рынок жилья здесь стоял без движения, квартиры висели на сайтах объявлений годами за сущие копейки. Но оставлять все как есть дальше казалось почему-то неправильным, словно незаживающую рану, которой наконец надо было дать затянуться.

Старая машина тронулась, дребезжа приборной панелью. Город поплыл за пыльным стеклом: низкие заборы, заросшие лебедой обочины, знакомый гастронорм с новой аляповатой вывеской и абсолютная, сонная тишина провинциального полудня.

— К нам сначала едем, перекусишь, отдохнешь — не то предложил, не то утвердил отец, осторожно объезжая знакомую с детства выбоину на повороте. — Мать ждет. А квар-

тиру уже позже посмотрим — вечером дойдем, когда не так печет.

Кристина кивнула, глядя на промелькнувшую мимо автобусную остановку. Бетонная коробка была густо исписана выцветшими граффити. Именно здесь двадцать лет назад они с девчонками покупали самое дешевое мороженое в вафельных стаканчиках, которое мгновенно таяло и липло к пальцам.

В виске неприятно кольнуло. Образ стаканчика с талым белым пломбиром возник перед глазами пугающе четко, а следом за ним — пустота, темный провал, в котором не было ни лиц, ни смеха, ни имени той, с кем она делила это мороженое на двоих.

Кристина дернула головой, отгоняя неприятное предчувствие, но где-то в глубине уже зрели призраки воспоминаний.

Глава 2.

Родной подъезд пах жареным луком, старой побелкой и кошачьей шерстью — густым, въевшимся в бетонные стены запахом, который не выветривался десятилетиями. На третьем, последнем, этаже отец даже не успел прикоснуться к дверной ручке: обитая вытертым коричневым дерматином дверь распахнулась сама.

— Приехала! Господи, исхудала-то как, одни глаза остались, — всплеснула руками мать, прижимая Кристину к себе. От мамы пахло кухней, выпечкой, ванилином и детством.

В родительской квартире время будто увязло в густом янтаре. Тот же полированный сервант с парадным чешским хрусталем, за которым стояли выцветшие фотокарточки и старые открытки от родственников. Те же вылинявшие бумажные обои в мелкий бежевый колокольчик, которые отец подклеивал на углах мучным клейстером еще в девяностые. Кристина не раз предлагала нанять бригаду, сделать свежий светлый ремонт, поменять скрипучий паркет и выкинуть тяжелые бархатные шторы, глушившие солнечный свет. Но родители вставали насмерть: «Зачем пыль разводить? Нам удобно, чисто, добротно. Доживать и в этом хорошо». Им было физически тепло внутри этой законсервированной декорации прошлого, где ничего не грозило переменами.

На кухне на круглом столе, накрытом клеенкой с разво-

дами под мрамор, уже стояла запотевшая глиняная миска с ледяной окрошкой, тарелка с теплыми пирожками с луком и яйцом и запотевшая банка кваса.

— Ешь, дочка, пока не нагрелось. Отец сам за квасом на рынок бегал, свежий привезли, — суежилась мать, подкладывая ей сметану большой деревянной ложкой.

Она села напротив, подперев щеку сухой ладонью с темными возрастными веснушками, и принялась жадно, с тайной тоской разглядывать лицо дочери.

— На работе-то все ладится? Начальник не лютует? — начала мать издалека, но Кристина по звуку ее голоса, по тому, как дрогнули морщинки у переносицы, уже знала, какой будет следующий вопрос.

— Все нормально, мам. Проекты закрываем, премию обещали, — спокойно ответила Кристина, отправляя в рот ложку окрошки. Горчица мягко обожгла язык.

— Это хорошо, конечно... Работа — дело нужное, — вздохнула мать, опустив глаза на скатерть. Пальцы ее теребили уголок салфетки. — Только ведь не работой единой. Тебе тридцать пять уже, Кристиночка. Подруги твои вон все... с семьями. На прошлой неделе Ленку из пятой квартиры видела — у нее старший уже в седьмой класс пошел, младшую в коляске катает. А я вот смотрю во двор на ребятишек и думаю: неужто так и не дождусь внуков? Хоть бы одного... Хоть для себя бы родила, если замуж не хочешь. Мы бы с отцом помогли, на ноги подняли.

Отец за столом неловко кашлянул, спрятав взгляд в кружку с квасом, но встревать не стал.

— Мам, ну какие внуки, мне собаку завести некогда, с утра до ночи в офисе, — привычно, натренированно улыбнулась Кристина, переводя все в шутку. — Вот разбогатею, куплю дом за городом, тогда и подумаем.

Слова дались легко, заученно, от зубов отскочили, но внутри, под ложечкой, противно заныло.

За этой броней из шуток пряталась глухая, острая боль. После тяжелого, унижительного разрыва три года назад — с долгими слезами в пустой съемной квартире, выключенным телефоном и ощущением, что тебя выпотрошили и выбросили за ненадобностью, — она сама захлопнула эту дверь. Наглухо. Поставила жирный крест на свиданиях, неловких знакомствах и надеждах на семью. Проще было убедить себя, что ей никто не нужен, чем еще раз подпустить кого-то так близко, чтобы содрали кожу и вырвали сердце, разломав его на тысячи осколков.

Мать тяжело вздохнула, собираясь продолжить свой привычный круг увещеваний, но вдруг замолчала. За окном на детской площадке с металлическим визгом скрипнули ржавые качели. Звук был протяжным, сухим, разрезающим полуденный зной.

Кристина замерла с ложкой в руке. Звук этот ворвался в разговор, словно поставив его на паузу.

Мать первой отвела взгляд от окна, словно этот металли-

ческий скрежет спугнул неловкую паузу, и снова принялась суетливо пододвигать к Кристине тарелки.

— Ты ешь, дочка, остынет же все. Пирожок еще возьми, пока теплый.

Разговор плавно свернул на привычную провинциальную колею. Мать с удовольствием принялась перечислять знакомые фамилии — кто из одноклассников спился, кто уехал на вахту на север, кто открыл магазинчик на выезде из города. Жизнь их крошечного городка текла предсказуемо и неторопливо, будто застывающая смола на сосновом штакетнике.

— Пашка Кольцов, помнишь его? — оживилась мать, подкладывая отцу добавку. — Тот, что в седьмом классе тебе портфель в сугроб закинул. Женился на фармацевте из аптеки, дом поднял за железнодорожным переездом, двоих мальчишек растят. А Катька рыжая из соседнего подъезда в райцентр перебралась, в налоговой сидит. В общем, хорошо все устроились, живут помаленьку. Никто и не вспоминает уже ту историю с...

Она оборвала фразу так резко, будто прикусила язык. Чайная ложечка с сухим, нервным звоном ударилась о блюдце.

На кухне мгновенно повисла тяжелая, густая духота. Отец за столом даже не шелохнулся, но плечи его окаменели, а взгляд уперся в трещинку на клеенке. Мать торопливо поправила кружевную салфетку под сахарницей, с преувеличенным вниманием сменяя невидимые крошки ладонью в

фартук.

— ...с заводом нашим, говорю, — быстро, слишком поспешно договорила она, не поднимая глаз. — Закрыли его тогда окончательно, вот все и думали, что городок наш загнется. А ничего, выкарабкались.

Ложь была шита белыми нитками, грубая и неловкая. Завод тут явно был совершенно ни при чем. Но у Кристины гудели ноги и спина после двух суток в поезде, голова раскалывалась от жары, а внутри разлилась невероятная дорожная усталость. Сил цепляться за эту внезапную запинку, выпытывать или додумывать что-то просто не нашлось. Мозг сам услужливо выстроил глухую стену: не сейчас. Завтра.

Они просидели за столом до глубокого вечера. Пили крепкий чай с черносмородиновым вареньем, перебирали старые семейные альбомы, вспоминали бабушкины смешные поговорки. Жару сменили сизые душные сумерки, за окном завели свою монотонную песню сверчки, и идти в пустую бабушкину квартиру на ночь глядя показалось глупой затеей.

— Завтра с утра уже схожу, пап, — сказала Кристина, зевая и неохотно вставая с дивана. — По светлому все разберу, окна открою, проветрю.

Ее уложили в бывшей детской комнате — узком пенале с окном на вишневые деревья. Все здесь было крошечным, игрушечным: узкий шкаф, продавленный диван-книжка с жестким деревянным валиком, выцветший шерстяной плед в крупную зеленую клетку.

Кристина стянула джинсы, легла на чистое, вкусно пахнущее белье и уставилась в побеленный потолок. По нему медленно ползали тени от листьев за окном, подсвеченные редкими фарами проезжавших по улице машин.

Скрипнула пружина под боком — в точности как двадцать, двадцать пять лет назад.

Детство казалось ей сейчас не цельной картиной, а выцветшим диафильмом, где половина кадров засвечена наглухо. Она помнила, как они строили шалаши из старых досок за гаражами, помнила вкус зеленой кислой алычи, липкие смоляные почки на тополях и содранные в кровь коленки. Но стоило попытаться вспомнить лица тех, кто бегал рядом с ней по пыльным тропинкам, в голове поднимался плотный серый туман.

Память упорно подсовывала пустоту вместо конкретного лета. Того самого, когда ей было пятнадцать.

Сквозь приоткрытую форточку тянуло полынью, речной тиной и ночной прохладой, но прохлада эта не приносила облегчения. Где-то вдалеке, за железнодорожной веткой, тоскливо протянул маневровый тепловоз.

Кристина закрыла глаза, проваливаясь в тяжелый, душный сон, отложив все заботы и мысли до утра.

Глава 3.

Утро еще не успело раскалиться, но воздух за окном уже застыл в неподвижном ожидании духоты. Стрелки настенных часов-ходиков в коридоре показывали едва начало восьмого, а на кухне уже всюю шкворчало масло.

Мать, в домашнем ситцевом халате, стояла у плиты, ловко переворачивая тонкие кружевные блинчики на чугунной сковороде. На столе уже белела глубокая плошка со сметаной.

— Куда ты в такую рань, Кристина? — всполошилась она, вытирая руки о полотенце. — Сядь по-человечески, чаю налью. Отец вон только в гараж ушел, сейчас вернется, вместе и позавтракаете.

— Некогда рассиживаться, мам, пока солнце не печет дойду, — Кристина свернула горячий блин в тугую трубочку, обжигая пальцы, макнула в сметану и съела прямо на ходу. Следом умяла второй. — Мне там еще дышать нечем будет, пока окна не распахну.

В прихожую как раз вошел отец, потирая темные от мазута пальцы тряпкой. Услышав сборы, он тут же нахмурился:

— Давай я с тобой. Там стремянку надо достать, антресоли открыть, пылищу эту вековую ворочать. Одной тяжело будет.

— Пап, не надо, правда, — мягко, но твердо остано-

ла его Кристина, натягивая кроссовки. — Я пока просто посмотрю. Оценю фронт работ, форточки открою, книги переберу. Если что-то тяжелое двигать придется — я позвоню, честно.

Ей физически необходимо было пойти одной. Присутствие родителей неизбежно превратило бы визит в бесконечный поток бытовых советов, вздохов и сожалений о том, что мебель хорошая и выкидывать жалко. А Кристине нужно было войти туда в полной тишине. Один на один с тем, что осталось от бабушки, и с тем, что за эти годы наслоилось внутри нее самой.

Она спустилась по лестнице и толкнула тяжелую входную дверь.

Утренний двор встречал косыми золотыми лучами, пробивавшимися сквозь густые кроны кленов. Роса на траве у забора уже почти сошла, но асфальт еще отдавал приятной свежестью.

— Батюшки, Кристинка! Глазам своим не верю!

Голос долетел от лавочки у соседнего подъезда. Баба Вера — местный бессменный наблюдательный пункт и главная дворовая радиостанция — уже восседала на вытертых досках, положив узловатые руки на колени в неизменной выцветшей юбке до пят. Время ее совершенно не брало: те же острые птичьи глаза из-под платка, тот же цепкий, сканирующий взгляд, от которого в детстве невозможно было спрятать ни содранную коленку, ни тайком пронесенную сигарету.

ту.

— Здравствуйте, баб Вер, — с вежливой улыбкой притормозила Кристина, чувствуя, как внутри натягивается струна раздражения.

— А я смотрю — идет, плечи расправила, городская вся из себя! — старуха привстала, подавшись вперед всем корпусом, и тут же затараторила, цепляясь взглядом за каждую деталь ее одежды. — Мать говорила, приедешь, да я уж думала — врет, некогда тебе до нас, столичной-то. А квартира-то бабушкина стоит, плесенью берется! Продавать, поди, надумала? А замуж-то вышла? А деток нажила? Что ж одна приехала, без мужика-то?

— Дела, баб Вер, все, бегу, — Кристина сделала шаг назад, прижимая сумку к боку и демонстративно глядя на часы. — Извините, очень тороплюсь, пока нотариус не ушел.

— Беги, беги, деловая! — крикнула ей вслед баба Вера. Голос ее вдруг потерял дребезжащую веселость, став странно тягучим, почти каркающим: — Ну, молодец, что решилась наконец приехать! Давно пора было. Двадцать лет уж ждет тебя там всё...

Кристина споткнулась на ровном месте. Носок кроссовка чиркнул по шербатовому краю бордюра.

Она не обернулась. Сердце глухо и болезненно толкнулось о ребра, отдаваясь пульсацией в ушах. Бабушка умерла пять лет назад. При чем здесь двадцать?

Кристина ускорила шаг, почти сбегая со двора в тенистый

переулок, ведущий к дому номер двенадцать, где на третьем этаже за запыленными стеклами ее ждала давняя, забытая жизнь.

Старый ключ вошел в замочную скважину со скрипом, провернулся туго, с сухим металлическим щелчком. Кристина толкнула тяжелую дверь и перешагнула порог.

Воздух в прихожей встретил ее глухой, застоявшейся духотой. Пахло старой бумагой, сушеной мятой, нафталином и нежилым помещением, которое давно остыло без человеческого тепла. Мебель стояла нетронутой: вытертый половичок под ногами, деревянная вешалка с рожками, на которой сиротливо висел старый бабушкин дождевик из плотной синей клеенки.

Кристина первым делом прошла по комнатам и рывком распахнула деревянные рамы окон. На улицу вырвался столб серой пыли, вспыхнувший в косых лучах утреннего солнца. В душные комнаты хлынул свежий воздух, шелест кленовой листвы и далекий лай собак. Квартира будто сделала первый глубокий вдох после пяти лет летаргического сна.

Она натянула резиновые перчатки, завязала волосы в тугой узел и принялась за работу. Нужно было методично разделить все вещи на категории: выбросить, раздать соседям, забрать с собой. В мусорные мешки полетели истлевшие газеты со шкафов, стопки старых квитанций, пустые пузырьки из-под валерьянки, разошедшиеся пластмассовые мыльницы.

Периодически Кристина замирала, разглядывая ка-

кую-нибудь старую фотографию или любимое бабушкино платье. Тогда теплые воспоминания о детстве заставляли глаза увлажняться, а в груди начинало что-то тянуть.

К полудню пыль скрипела на зубах, но квартира начала приобретать очертания обычного пустого жилья под продажу, теряя свой живой, бабушкин дух.

В комнате оставался только нижний ящик массивного полированного комода в спальне. Он выдвинулся со стоном, цепляясь разохшимся дном за направляющие. В глубине, среди стопок льняных простыней, лежала жестяная коробка из-под столь желанного когда-то датского печенья с выцветшей картинкой парусника на крышке.

Кристина опустилась прямо на пыльный паркет, подогнув под себя ноги, и осторожно сняла крышку.

Внутри лежал ее детский мир, бережно законсервированный бабушкиной рукой.

Первым делом на глаза попалась корявая открытка из желтого картона: сиреневая аппликация из криво вырезанных цветов и прыгающие буквы шариковой ручкой — «Любимой бабуле на 8 Марта от Кристины, 1 «Б» класс». Под ней лежали широкие белые капроновые банты, свернутые тугими улитками, значок с олимпийским мишкой, пустая гильза от помады «Руби Роуз», стеклянный шарик с зеленой прожилкой внутри и билет в кинотеатр «Родина» на дневной сеанс за пять рублей.

Кристина перебирала эти мелочи, и на губах блуждала

мягкая, щемящая улыбка. Простые артефакты взросления, сложенные в строгом хронологическом порядке.

На самом дне, под пачкой переводных картинок, лежал аккуратный сверток из плотной хлопковой ткани.

Кристина развернула его. Это был носовой платок.

Не бабушкин — те всегда были простыми, ситцевыми, с выцветшими ромашками по краю. Этот был совсем другим: белоснежный, из тонкого батиста, с нежным фабричным кружевом по периметру и маленькой, вышитой блекло-голубыми нитками незабудкой в правом нижнем углу. На ткани четко проступали застарелые следы — бурые пятна разного размера, въевшиеся в волокна намертво, словно запекшаяся кровь.

Он никогда не принадлежал Кристине. У нее не было таких вещей. Откуда тогда он в этой коробке?

Она поднесла платок ближе к лицу. Сквозь запах нафталина и старой жести пробился едва уловимый, призрачный аромат — дешевые земляничные духи и горький запах речной осоки.

В глазах на долю секунды потемнело. Перед внутренним взором с пугающей четкостью вспыхнула картинка: душная летняя ночь, гудящие слепни, дрожащие пальцы с облупленным розовым лаком, комкающие этот самый кружевной платок, и испуганный, захлебывающийся шепот:

«Кристин... спрячь. Только не говори никому, слышишь? Если они узнают — они меня убьют...»

Кристина отшатнулась назад, ударившись лопатками о край кровати. Воздух застрял в горле колючим комом. Руки крупно, безудержно задрожали, а платок выпал из онемевших пальцев на серый от пыли паркет.

Глава 4.

Воздух выбило из легких, словно от удара под дых. Кристина сидела на пыльном полу, упершись затылком в жесткий деревянный край кровати, и судорожно хватала ртом сухую, застоявшуюся духоту. В висках с бешеной силой молотил пульс, заглушая звуки со двора.

«Встань. Немедленно встань», — скомандовала она себе чужим, ледяным голосом.

Она с трудом поднялась на негнущихся ногах, цепляясь за комод, и почти на ощупь побрела на кухню. В узком коридоре закружилась голова. Трясущимися пальцами Кристина открутила вентиль смесителя; старые трубы глухо взвыли, задрожали, и в раковину с фырканьем ударила тугая, ржавая струя. Она не стала ждать, пока вода сойдет, оперлась ладонями о мокрый эмалированный край и плеснула ледяную влагу прямо в лицо. Раз, другой, третий.

Капли текли по подбородку, падали на футболку, оставляя темные влажные круги.

«Ты просто перегрелась. Не выпалась в душном поезде. Проглотила на ходу эти жирные блины, надышалась нафталином и вековой пылью. Это галлюцинация. Мозг просто выдернул случайный кадр из дешевого триллера».

Рациональная, тридцатипятилетняя Кристина — старший специалист отдела аналитики, с железной выдержкой и

отчетами, сверенными до копейки, — быстро и привычно наводила порядок в растрепанных мыслях. Паническая атака на фоне усталости. Обычное дело для переутомленного городского жителя. Бабушка хранила всякую ерунду, подобрала где-нибудь тряпку с пятном от варенья или ржавчины, сунула к детским вещам и забыла.

Дыхание постепенно выравнивалось. Кристина вытерла лицо кухонным вафельным полотенцем, глубоко вдохнула и решительно вернулась в спальню.

Платок сиротливо белел на серых рассохшихся досках.

Она наклонилась, подняла его и подошла к окну, где солнце било сквозь тюль сплошным косым столбом света. Ткань на ощупь оказалась удивительно тонкой, почти невесомой — дорогой батист, явно не из тех дешевых платков, что пачками продавались в местном универмаге.

Кристина развернула уголок с вышитой незабудкой.

На самом краю, прямо под блеклыми голубыми лепестками, на изнаночной стороне проступали две крошечные буквы. Нанесенные въедливыми фиолетовыми чернилами от химического карандаша — тем самым, который макали в слюну, чтобы метка не смывалась при стирке:

«А. С.»

Звук лопнувшего стекла в голове был почти физическим. — Аня... — сорвалось с губ шепотом, который тут же поглотила пыльная тишина комнаты. — Аня Соколова.

Имя вынырнуло из черного омуты памяти так легко и есте-

ственно, будто всегда лежало на самой поверхности. Аня. Девочка с худыми ключицами, вечно искусанными губами и копной непослушных светлых волос, которые она закалывала пластмассовым «крабиком». Аня, с которой они делили одну парту с первого класса, прятали за гаражами окурки и клялись на крови, что уедут отсюда в один день. Аня, которая всегда была самой любопытной и непоседливой из всех ее подружек.

Но дальше начиналась глухая, непроглядная стена.

Кристина сжала тонкую ткань в кулаке так, что побелели костяшки. Почему этот платок лежал здесь? В коробке с ее первыми бантами и школьными грамотами? Бабушка никогда не лезла в ее секреты, но свято берегла каждую мелочь. Если платок оказался на самом дне, значит, его спрятала сама Кристина. Или все же не она?

Она изо всех сил попыталась вспомнить: день, час, причину, по которой батистовый клочок с бурыми несмываемыми пятнами и чужими инициалами должен был исчезнуть с лица земли. Но память молчала. Ни единой зацепки. Только сосущий, липкий холод где-то под ребрами и ощущение, что за этим забытым куском ткани тянется что-то темное, тяжелое и смертельно опасное.

Пальцы сжались рефлексивно, сминая тонкий батист в плотный комок. Не раздумывая, повинувшись какому-то импульсу, Кристина сунула платок в боковой карман сумки и с силой затянула молнию. Металлические зубчики сцепились

с резким звуком, отрезая ткань от внешнего мира.

Остаться в квартире стало физически невозможно. Стены словно сдвинулись вперед, воздух загустел, превратившись в душную серую вату, а распахнутые окна больше не выпускали прохладу — только тяжелый полуденный зной. Бросив мусорные мешки и недоразобранный ящик прямо на полу, Кристина торопливо повернула защелку замка и сбегала вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньку.

На улице солнце уже стояло в зените, выжигая цвета и превращая городок в плоскую, блеклую декорацию.

Она не выбирала дорогу. Тело двигалось само, ведомое мышечной памятью, спавшей двадцать лет. Ноги несли ее по потрескавшемуся асфальту, сквозь густую тень раскидистых тополей, мимо типовой трехэтажной школы с облупившейся желтой штукатуркой на фасаде. Сейчас, во время летних каникул, школьный двор казался вымершим: ржавые турники, вытоптанное футбольное поле с чахлыми островками полыни, закрытые на висячий замок стеклянные двери.

Дальше потянулись бесконечные ряды серых кирпичных гаражей. Тот самый лабиринт, где когда-то пахло бензином, карбидом и свободой. Сейчас крыши поросли бурьяном, а узкие проезды между боксами казались чужими и пугающе узкими.

Все вокруг было до боли знакомым, но одновременно чужим — будто на старую фотопленку наложился полупрозрачный слой мутного пластика. Кристина смотрела на тро-

пинку, петляющую вниз к реке через заросли ивняка и репейника, и чувствовала, как в висках нарастает тупое, ноющее давление. В голове проносились какие-то обрывки воспоминаний, которые не беспокоили ее двадцать лет. Река. Песчаный обрыв. Вода...Карьер...

Сердце снова глухо заколотилось о ребра, предостерегая от спуска к воде. Хватит на сегодня. Слишком много призраков для одного полудня.

Она развернулась и пошла обратно к дому родителей по тенистой аллее, надеясь смыть липкую тревогу чаем и тихими мамиными разговорами о рассаде.

— Кристинка? Ты, что ли?

Оклик раздался сбоку, от старого продуктового ларька с выцветшим навесом.

Кристина вздрогнула и остановилась. Навстречу ей, шурясь от яркого света, шел рослый широкоплечий мужчина в застиранной футболке-поло и потертых джинсах. На носу — мелкие капли пота, в руке — связка ключей от машины на кожаном ремешке, которую он крутил на пальце с той же механической привычкой, что и в старших классах.

Олег. Память услужливо выдала имя и часть воспоминаний.

Олег Волков — бессменный заводила их дворовой компании, вечный хулиган с задней парты, в которого в седьмом классе были тайно влюблены почти все девчонки в округе, не исключая самой Кристины.

Лицо его погрубело, у глаз залегли глубокие лучики морщин, короткие темные волосы тронула ранняя проседь, но кривоватая ухмылка осталась прежней — широкой, наглой и чуть насмешливой. Он остановился в паре шагов, оглядывая ее с головы до ног, и в его взгляде на долю секунды мелькнуло что-то еще — не просто удивление, а резкая, мгновенная настороженность.

— Ну точно, столичная штучка, — хмыкнул он, пряча ключи в карман и протягивая ладонь. — А мне мать говорила, что тебя во дворе видали. Думал, сочиняет старая. Сколько лет-то прошло, Крис? Семнадцать? Двенадцать?

— Двадцать, Олег, — ровно ответила Кристина, чувствуя, как тяжелеет сумка на плече, где на самом дне лежал платок с аккуратными фиолетовыми буквами «А. С.». — Ровно двадцать. Как странно, да? Забыть такое круглое число...

Глава 5.

Услышав эту цифру, Олег на долю секунды замер. Пальцы с ключами дрогнули, но он тут же натянул широкую, почти рекламную улыбку, стряхивая напряжение.

— Двадцать, надо же... Время летит, не догонишь. Действительно, забыл. А ты совсем не изменилась, Крис. Разве что взгляд стал... строгий, начальственный. Чем занимаешься-то в своей столице? Небось ворочаешь миллионами в стеклянной башне?

— Аналитикой, Олег. Скучные таблицы, цифры, регламенты, — Кристина пожала плечами, чувствуя, как раскаленный воздух у ларька начинает плавить мысли. Сумка на плече казалась свинцовой. — Никакой романтики и миллионов.

— Ну, каждому свое, — самодовольно хмыкнул он, расправляя широкие плечи. — А я вот, видишь, на родной земле остался. Где родился, там и пригодился, как говорится. Своя автомойка на три бокса на выезде к трассе, шиномонтаж, сейчас второй сервис под выкуп оформляю. Кручусь, верчусь. Зато сам себе хозяин. С главой района вот на прошлой неделе баню топили, вопросыки решали. Не последний человек в городе, в общем. Если с бабушкиной квартирой помочь надо — ты только скажи, у меня и риелтор знакомый есть, быстро скинет, за копейку комиссионных.

— Спасибо, я пока сама разбираюсь.

— Слушай, ты чего по такой духовке пешком таскаешься? Вон, марево над асфальтом стоит, мозги спекутся, — Олег кивнул в сторону обочины, где под чахлой березой стояла не очень новая, но ухоженная, белая «Ауди». — Прыгай, доброшу до родителей. У меня кондей молотит на полную, хоть остынешь.

Кристина заколебалась. Первым порывом было отказаться, соврать, что хочет прогуляться по теничку или зайти в аптеку. Но ноги после прогулки на жаре гудели, виски ломило от духоты, а мысль о ледяном воздухе кондиционера показалась слишком соблазнительной.

— Давай. Буду благодарна.

В салоне пахло дорогим синтетическим ароматизатором с нотами кофе и новой кожи. Кондиционер действительно работал на совесть, обдав Кристину морозным сквозняком, от которого по влажной спине побежали мурашки. Она захлопнула дверь, машина мягко тронулась, переваливаясь через ямы на выезде из переулка.

Олег рулил одной рукой, небрежно положив вторую на подлокотник.

— Ну и на сколько ты к нам? Чисто жилье спихнуть и обратно в цивилизацию? — спросил он, бросив на нее короткий, внимательный взгляд через зеркало заднего вида.

— Не знаю пока. Отпуск взяла, плюс еще отгулы накопились. Недельку, может, две. Как пойдет, — Кристина наме-

ренно смотрела прямо перед собой на узкую ленту улицы, чувствуя, как беседа неумолимо начинает сползать с гладких рельсов вежливости.

— Две недели? — переспросил Олег, и в его голосе прорезалась едва заметная напряженность. — Делать тут две недели нечего, Крис. Дыра дырой. Скука смертная. Продала, подписала бумаги — и дуй обратно. Тебе здесь не место. Да и вообще... ворошить старое — только пыль глотать.

Машина притормозила на перекрестке у старого Дома культуры с потрескавшимися гипсовыми колоннами. Олег повернулся к ней всем корпусом, и его улыбка окончательно погасла.

Слова Олега резко прозвучали в ледяном воздухе салона, как брошенный на стекло тяжелый камень. Кристина почувствовала, как внутри всё сжалось в тугий узел. «Ворошить старое»? О чем он?

Ее мозг лихорадочно искал зацепку, но выдавал лишь белый шум. Главное сейчас было — не выдать свою слепоту. Ни жестом, ни взглядом.

— Олег, господи, какое прошлое? — Кристина выдавила сухой, чуть усталый смешок и нарочито небрежно поправила ремень безопасности. — Сколько лет прошло. Все там и осталось. В детстве.

Олег не отвел взгляда. Его пальцы на руле сжались сильнее, кожа на костяшках натянулась и побелела.

— Ну, надеюсь, — медленно протянул он, трогая машину

с перекрестка. Мотор глухо заурчал, разгоняя седан по разбитой улице. — А то ты тогда, перед самым отъездом, как заполошенная носилась. Глазищи дикие, руки трясутся. «Заговор вокруг, вы все врете, скажите правду, я докопаюсь»... Помнишь, как орала? Чуть участковому под колеса не бросилась.

Он криво усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья — только глухое, въевшееся под кожу раздражение.

— А где она, эта правда? Что за правда? Утонула девка, несчастный случай, река коварная, воронки на глубине. Полиция закрыла дело, улики никаких, похоронили, отгоревали. А ты всё искала врагов. Хорошо хоть родители твои вовремя спохватились, в областную больницу тебя увезли, а потом и вовсе в гимназию на учебу спровадили. А то наломала бы дров... и себе, и другим.

В затылке у Кристины вспыхнула резкая, пульсирующая боль.

Перед глазами, сквозь лобовое стекло и рябь раскаленного асфальта, на мгновение проступил другой образ: ночь, запах какого-то лекарства, она кричит, вырывается, а ее держат чьи-то руки.

Боль схлынула так же внезапно, оставив во рту горький привкус желчи.

Она этого не помнила. Вообще. До этой секунды в ее биографии был чистый, аккуратный факт: закончила девять классов, родители решили перевести в хорошую гимназию в

области ради перспектив, потом институт в столице. Никаких больниц. Никаких истерик.

Память была не просто стерта — ее аккуратно, хирургически вырезали и зашили белыми нитками. И, получается, сделать это могли ее собственные родители...

— Да уж, глупости детские, нервный срыв на фоне шока, — голос Кристины прозвучал на удивление ровно, с идеальной интонацией взрослого, слегка стыдящегося своих подростковых заскоков человека. — Сама не знаю, что на меня тогда нашло.

— Вот и я говорю — бред, — с явным облегчением выдохнул Олег, и плечи его заметно расслабились. Он свернул во двор и плавно затормозил прямо у подъезда родителей. — Забудь. Нечего тут ковырять. Продавай бабушкины квадраты и возвращайся к своим таблицам. Тут ловить нечего, поверь.

— Наверное, ты прав, — кивнула она, нащупывая ручку двери. — Спасибо, что подбросил.

— Обращайся. Если с риелтором надумаешь — звони, телефон у матери спросишь.

Кристина вышла из машины. Горячий воздух двора ударил в лицо удушливой волной, но ее пробил озноб.

Она стояла у подъезда и смотрела, как белый седан медленно выруливает со двора. Рука в кармане крепко сжимала сумку, в которой лежал платок с инициалами Ани и бурыми пятнами.

Никаких «двух-трех дней». Никакой спешной продажи. Она останется здесь столько, сколько потребуется. Ей нужно было вернуть свою украденную память — шаг за шагом, даже если правда, от которой ее так старательно берегли двадцать лет, окажется страшнее любого забвения. Ради себя. Ради этих инициалов на старом платке, ради А. С.

Глава 6.

На лестничной клетке пахло жареной рыбой и картошкой. Кристина поднималась на свой этаж медленно, цепляясь рукой за прохладные металлические перила, и на несколько секунд замерла перед входной дверью. Ей нужно было сбросить с лица оцепенение, вернуть привычное выражение взрослой дочери, забежавшей на обед. Она сделала глубокий вдох, нащупала в сумке застегнутую молнию бокового кармана и открыла дверь. По старой традиции родители почти никогда ее не закрывали на ключ, сколько бы Кристина их не ругала за это.

— Кристиночка, ты? — донесся с кухни голос матери. — А мы уж тебя потеряли! Отец говорит, солнце в зените, а девка там пыль глотает голодная.

Кристина разулась, машинально поправив коврик, и прошла в ванную. В зеркале над раковиной на нее смотрело покрасневшее от жары лицо с заострившимися скулами. Она тщательно вымыла руки с мылом, смывая въевшийся запах чужой машины и старого батиста, и вышла к столу.

На кухне царила спокойная, уютная атмосфера. Отец резал крупными неровными ломтями серый хлеб, мать накладывала в глубокие тарелки густой борщ с тушеной фасолью, от которого поднимался густой пар.

— Ну как там? — спросил отец, не поднимая головы от

доски. — Совсем запустили? Потолки не потекли?

— Пыльно очень, — ровно отозвалась Кристина, садясь на свое привычное место у подоконника. — Окна распахнула, мусор кое-какой в мешки собрала. Старые газеты, квитанции, склянки из ванной. Бабушкины коробки в комодѣ нашла. С моими детскими вещами.

Рука матери, державшая половник, на долю секунды замерла над кастрюлей. Суповая капля сорвалась вниз, глухо шлепнувшись на раскаленную конфорку и мгновенно зашипев.

— И... что там? В коробках? — мать поставила тарелку перед Кристиной, стараясь, чтобы голос звучал повседневно, но глаза ее метнулись к лицу дочери, словно ошупывая каждую черточку.

— Да ерунда всякая. Банты капроновые, открытки мои дурацкие на восьмое марта, билетки в кино, — Кристина взяла ложку, зачерпнула бульон, чувствуя, как обжигает нѣбо. — Не разобрала до конца, голова разболелась от духоты. Вышла на улицу, решила воздухом подышать. А возле ларька Олега Волкова встретила. Он меня до дома прямо подбросил.

Воздух на кухне словно внезапно выкачали насосом.

Отец застыл с ножом в руке, так и не дорезав горбушку. Мать медленно опустилась на табурет напротив, вытирая сухие ладони о край фартука. Их взгляды встретились — коротко, почти незаметно. Это длилось меньше секунды, но

в этом мгновенном обмене не было родительской теплоты. Там был чистый, рефлекторный испуг.

— Олега? — переспросил отец, аккуратно кладя нож на клеенку. Голос его звучал глухо, будто он прочищал забитое горло. — Ишь ты... Волкова. Он сейчас важный стал, на иномарке катается. Сервис держит.

— Да, хвастался, — Кристина сделала вид, что полностью поглощена супом. — Сказал, мойку открыл, бани с главой района топят.

— Ну и... о чем говорили-то? — как бы между прочим вставила мать. Она потянулась к солонке, пальцы ее мелко подрагивали. — Столько лет не виделись, чай, чужие люди совсем. Спрашивал чего? Или так, о погоде потрепались?

— Да так, ни о чем, — спокойно пожала плечами Кристина, отправляя в рот ложку борща. — О погоде, о его сервисе. Вспомнили, как в школе шалили, как он у меня домашку списывал, как мальчишки за гаражами карбид взрывали. Посмеялись. Он предлагал помочь с риелтором для бабушкиной квартиры, у него знакомый есть. Но я отказалась, ни к чему это. Свой знакомые имеются.

Воздух на кухне едва заметно разрядился.

Отец наконец дорезал хлеб, шумно выдохнув через нос, а мать торопливо закивала, пряча дрожащие руки под стол:

— Ну и правильно, ни к чему его риелторы, сами справимся, нечего чужим людям комиссионные платить. Ты ешь, дочка, ешь, остынет.

Они быстро свернули тему, переключившись на сломанный забор на даче и подорожавший сахар. Разговор тек по привычной колее, но сегодня для Кристины эта иллюзия семейного покоя дала трещину.

Сидя за столом напротив постаревших родителей, она отчетливо видела то, чего не замечала все эти годы. Паузы перед ответами. Настороженность в глазах. Слишком быстрый, испуганный обмен взглядами при одном лишь имени Олега. В голове эхом отозвались вроде безобидные слова бабы Веры у подъезда: «Двадцать лет уж ждет тебя там всё...»

Похоже, родители не просто берегли её от плохих воспоминаний. Они тоже были частью этой стены из забвения. Спрашивать их в лоб о том, что произошло, сейчас было глупо — они тут же закроются от разговора, испугаются и сделают все, чтобы поскорее усадить ее на обратный поезд в ее городскую жизнь.

Кристине требовался четкий план. Нужно было восстановить хронику того лета двадцать лет назад, шаг за шагом, не привлекая внимания.

И начать следовало с самой Ани. Кристина вспомнила ее имя, помнила смутный образ, но больше ничего, пустота.

Где жила ее семья? Что стало с ее родителями, где они сейчас? Остался ли кто-то в городке, кто может рассказать ей что-либо, что прольет свет на произошедшее? В боковом кармане сумки, висевшей в прихожей, лежал платок с вышитым цветком — единственная материальная ниточка, связы-

вающая Кристину и Аню. И Кристина собиралась выяснить, чья кровь оставила на нем эти бурые, несмываемые следы.

Глава 7.

Утро принесло очередной душный и жаркий день. Солнце едва поднялось над верхушками кленов, а воздух за окном уже плавился, заставляя всех прятаться по домам.

На кухне царил идеальный порядок. На столе стояла тарелка с нарезанным сыром, вареные яйца в синей фарфоровой подставке и теплый заварник под шерстяным колпаком. Мать суежилась у раковины, споласкивая чашки, и улыбалась — чуть шире, чем обычно, чуть быстрее поворачивая голову на каждый шаг Кристины.

— Выспалась, доченька? Чай свежий, с чабрецом, как ты любишь. Отец уже в гараж ушел, карбюратор перебирать.

Они вели себя безупречно. Будто не было вчерашнего неловкого затишья, будто не застывал нож в руке отца, будто имя Олега Волкова никогда не звучало под этой крышей. Но за этой преувеличенной, хлопотливой заботой Кристина теперь физически ощущала натянутую леску. Ее аккуратно оберегали от сквозняка, боясь, что он распахнет запертую двадцать лет назад дверь.

— Я снова на квартиру, мам, — сказала Кристина, сделав глоток крепкого чая. — Хочу до обеда книги перебрать и старую одежду по мешкам разложить.

— Иди, иди, милая. Только на голову что-нибудь надень, пекло с утра страшное, — кивнула мать с той же заученной,

немного деревянной улыбкой.

Кристина вышла из подъезда, пересекла двор, но свернула не в сторону бабушкиного дома, а на широкую тенистую улицу, ведущую к центру.

Городская библиотека располагалась в старом двухэтажном особняке из потемневшего от времени красного кирпича. Здание с полукруглыми окнами и массивной дубовой дверью казалось осколком другой эпохи, чудом уцелевшим среди силикатных пятиэтажек.

Внутри пахло типографской краской, старыми книгами, клеем ПВА и немного сыростью из старого подвала. Пол под ногами глухо поскрипывал. В читальном зале царила тяжелая, дремотная полутьма: тяжелые зеленые шторы были плотно задернуты от солнца. За высоким конторским столом сидела сухопарая женщина лет шестидесяти в вязаной кофте, несмотря на духоту, и с металлическими очками на цепочке. На груди темнел самодельный бейджик: «Тамара Ивановна».

— Здравствуйте, — тихо сказала Кристина, подходя ближе. Шаги гулко отдавались под высоким сводчатым потолком.

Библиотекарь подняла подслеповатые глаза, поверх очков смерила гостью долгим, оценивающим взглядом и чуть заметно поджала губы:

— Добрый день. Вы по какому вопросу? Абонемент закрыт на переучет до понедельника.

— Мне в читальный зал. Хотела посмотреть подшивки «Степногогорского рабочего». Краеведческий интерес, собираю материал по истории города.

— Какой период интересует? — женщина с неохотой отложила ручку.

— Две тысячи пятый год. Лето. Июль, август, возможно, начало сентября.

Тамара Ивановна медленно сняла очки, отпустив их на цепочке на грудь. В зале было так тихо, что было слышно, как бьется о стекло крупная зеленая муха. Женщина помолчала пару секунд, затем встала и молча скрылась за высокой деревянной перегородкой, где начинались архивные стеллажи.

Ее не было минут десять. Кристина стояла у стола, чувствуя, как пальцы сами собой сжимаются в кулаки.

Библиотекарь вернулась, неся перед собой тяжелую, обтянутую серым коленкором папку с завязками. С глухим стуком опустила ее на стол, подняв микроскопическое облачко архивной пыли.

— Вот. За пятый год. Садитесь за третий стол, там лампа лучше светит. Руками страницы сильно не дергать, бумага хрупкая.

Кристина перенесла папку к столу у окна, развязала ветхие тесемки и открыла подшивку.

Пожелтевшие шершавые полосы пахли мышами и сырым погребом. Заголовки пестрели привычной провинциальной постсоветщиной, перекочевавшей здесь и в новое ты-

сячение: «Битва за урожай», «Ремонт теплотрассы к зиме», «Юные таланты районного Дома творчества». Кристина быстро листала номера: май, июнь, первые числа июля... Обычная хроника сонного городка: мелкие кражи со складов, отчеты о заседаниях, поздравления юбиляров, некрологи.

Она перевернула страницу, ожидая увидеть выпуск от первого августа.

Но следом за тридцатым июля внезапно шел номер от третьего сентября. Большой разворот, посвященный Дню знаний и началу учебного года.

Кристина замерла. Она медленно перелистала подшивку обратно. Между июлем и сентябрем в корешке торчали лишь неровные, словно второпях срезанные полоски бумаги. Целый месяц отсутствовал. Ни единого номера.

Она закрыла папку, взяла ее обеими руками и подошла обратно к конторке.

— Тамара Ивановна, извините. Кажется, здесь ошибка. В подшивке нет номеров за август. Совсем.

Женщина даже не подняла головы от своего журнала, продолжая что-то методично вписывать в графу фиолетовыми чернилами.

— Никакой ошибки нет, — сухо, без малейшей запинки произнесла она. — Пожар у нас был. Осенью того же года. Проводку в малом хранилище закоротило. Часть периодики сгорела.

— Только за один месяц? — голос Кристины прозвучал чуть громче, чем следовало. — Июль цел, сентябрь цел, все остальные годы на месте. А сгорел ровно один август?

Тамара Ивановна наконец отложила ручку. Ее костлявые пальцы легли поверх журнала, сложившись в замок. Взгляд за стеклами очков стал стеклянным, абсолютно непроницаемым — такой взгляд бывает у людей, которые годами повторяют одну и ту же выученную наизусть ложь.

— Именно так, девушка. Газеты за август лежали отдельно на стеллаже, их как раз готовили к переплету в мастерскую. Там очаг возгорания и пришелся. Сгорели дотла. Еще вопросы будут?

— Вопросов нет. Спасибо, — тихо ответила Кристина.

Она развернулась и пошла к выходу, кожей чувствуя, как взгляд библиотекаря сверлит ее спину до самой тяжелой дубовой двери. На улице полуденный зной ударил с новой силой, заставляя щуриться от солнца после полумрака читального зала.

Случайный пожар, уничтоживший ровно тридцать один день. И каким-то случайным образом сгорела подшивка именно за август 2005 года. Как-то слишком уж «удачно».

Кристина спустилась по каменным ступеням и свернула за угол, в сторону улицы Ленина, где в приземистом крыле бывшего горсовета располагался городской архив. Если местную прессу подчистили, то ведомственные записи, журналы происшествий или хотя бы книги учета ЗАГСа скрыть

сложнее.

Но у дверей архива ее встретила глухая тишина. На массивных железных створках висел пудовый амбарный замок, покрытый рыжей коркой ржавчины, а к мутному стеклу был прилеплен на скотч косо оторванный лист бумаги с выцветшими буквами: «Архив закрыт на профилактику и инвентаризацию до 30 августа. Сотрудники в отпуске».

Еще одна глухая стена. Город словно захлопывал перед ней двери за секунду до того, как она успевала протянуть руку к ручке.

Оставалась школа. Там хранились классные журналы, архивы выпусков и личные дела. Даже если журналы не дадут, можно было попробовать поговорить со старыми учителями — кто-то из ветеранов наверняка дежурил летом.

Кристина дошла до знакомого желтого двухэтажного здания с облупившейся штукатуркой. В тени тополей у парадного входа было пусто. Она дернула тяжелую стеклянную дверь — та неожиданно поддалась с протяжным скрипом.

В прохладном вестибюле пахло хлоркой, свежей масляной краской и мелом. Из каморки под лестницей тут же вынырнул сторож — грузный старик в трениках с вытянутыми коленями и выцветшей тельняшке.

— Эй, гражданочка, куда намылилась? — гаркнул он, загораживая проход к широкой лестнице. От него несло ядреным табаком и кислым квасом. — Не положено. Ремонтные работы идут, посторонним вход воспрещен.

— Здравствуйте. Я выпускница этой школы, — Кристина попыталась улыбнуться как можно мягче. — Мне очень нужно в учительскую или к секретарю. Буквально на пять минут, уточнить по архивам выпуска одного года.

— Сказано — закрыто! — отрезал дед, даже не слушая, и упер узловатые кулаки в бока. — Директриса в районе на совещании, секретарь на больничном, учителя к первому сентября по домам сидят, программы пишут. Никого нет. И журналы под замком в сейфе. Давай, дочка, на выход, пока милицию не кликнул. Нечего тут шастать.

Спорить было бесполезно. В его тупом, упрямом взгляде читалась не просто инструкция вахтера, а железобетонная привычка никого никуда не пускать.

Кристина медленно развернулась и вышла на раскаленное крыльцо. День был проигран всухую. Все официальные пути вели в тупики: сгоревшие подшивки, замки на дверях, заученная враждебность.

К пяти часам она вернулась в родительскую квартиру — вымотанная, с гудящими от ходьбы ногами и скрипящей пылью на зубах.

— Ну наконец-то! — всплеснула руками мать, выглядывая из кухни с полотенцем через плечо. — Мы уж с отцом думали, ты там упала где от такой жары. Ну как, много выгребла? Что с буфетом решила? Мебель-то старая, но крепкая, может, соседке снизу предложим?

Отец, сидевший у телевизора в майке-алкоголичке, при-

глушил звук и тоже внимательно посмотрел на нее поверх очков.

— Нормально, мам. Пыли много, — соврала Кристина, не моргнув, снимая кроссовки в душной прихожей. Язык поворачивался с трудом. — Шкафы перебрала, старое тряпье в мешки связала, книги пересмотрела. Завтра продолжу, устала.

— Ну и ладно, ну и молодец, мой руки, сейчас ужинать будем, — с явным облегчением выдохнула мать, и в голосе ее снова зазвучала та самая фальшивая, хлопотливая мягкость.

Вечер прошел под монотонное бурчание вечерних новостей по телевизору и однотипные разговоры о погоде. Кристина ела тушеную картошку, машинально кивала, а внутри все звенело от напряжения. Она чувствовала себя шпионкой в доме собственных родителей, где каждый жест и каждое слово проходили через внутренний фильтр.

Только ближе к полуночи, когда в квартире стихло шарканье и за стеной раздался мерный храп отца, Кристина смогла остаться одна.

Она лежала на продавленном диване в своей детской, глядя в темноту потолка. Форточка была открыта, но с улицы тянуло не прохладой, а тяжелым запахом нагретого за день асфальта и полыни.

Архивы молчат, газеты сожжены, люди притворяются глухими. Официальной правды в этом городе не существовало — ее стерли двадцать лет назад. Значит, искать ее через бу-

мажки и кабинеты бессмысленно.

Оставались только живые свидетели.

Кристина повернулась на бок, нащупав рядом с кроватью твердый край сумки, где лежал батистовый платок. Память города держалась не на документах. Она держалась на людях, которые дышали этим же воздухом. Баба Вера, бросившая странную фразу у подъезда. Мать Ани — если она еще жива и не сошла с ума в четырех стенах. И ребята из их старой дворовой компании.

Чтобы пробить эту стену, Кристине придется заставить кого-то заговорить. Даже если для этого придется содрать тонкую корку с двадцатилетней раны.

Глава 8.

С утра Кристина решила дать казенной системе последний шанс: сторож сторожем, но директора школ в конце лета обязаны бывать на рабочем месте хотя бы для подписания актов приемки.

Она поднялась по широким гранитным ступеням школы ровно в девять. Стеклопанная дверь на этот раз была приоткрыта, подпертая обломком кирпича. В вестибюле стоял удушливый запах свежей половой краски — охристо-рыжие полосы на досках еще влажно поблескивали. В глубине коридора застучали каблуки.

— Кристина? Кристиночка Морозова! Глазам не верю!

Навстречу ей спешила грузная, величественная женщина в строгом льняном костюме цвета топленого молока. Римма Васильевна — бессменный завуч тех лет, а ныне, судя по табличке на дубовой двери, директор школы. Ее пышная химическая завивка тронулась благородной сединой, но взгляд остался тем же — командным, пронизательным, привыкшим держать в повиновении сотню подростков.

— Здравствуйте, Римма Васильевна, — Кристина вежливо улыбнулась, позволяя учительнице стиснуть свои плечи в коротком, сухом объятии.

— Батюшки, сколько лет прошло! А ведь помню тебя, помню, как вчера. Девятый «Б», гордость школы, олимпиа-

да по литературе! Мать твоя на рынке хвалилась — в столице устроилась, важная птица. Молодец, девочка, выбилась в люди. Ты по какому делу? Неужто на вечер встречи выпускников заглянешь зимой? Или просто навестить зашла?

— Нет, Римма Васильевна, я по личному вопросу, — Кристина сделала шаг в сторону ее кабинета, понизив голос до мягкого, доверительного тона. — Разбираю бабушкины вещи перед продажей, нашла старые снимки. Захотелось восстановить наш выпускной альбом за девятый класс, восстановить пробелы в памяти. Очень нужно глянуть классный журнал за две тысячи пятый год. И... личное дело Ани Соколовой. Вы же помните Аню? Она сидела рядом со мной.

Лицо директрисы изменилось с пугающей, кинематографической скоростью.

Улыбка не просто сползла — она замерзла, превратившись в натянутую восковую маску. Глаза за стеклами очков сузились, потеряв всякую учительскую теплоту. Римма Васильевна медленно отступила на полшага назад, будто Кристина достала из кармана не просьбу о старых документах, а заряженный пистолет.

— Соколовой? — переспросила она, и ее голос мгновенно потерял бархатные нотки, став сухим, скрипучим, как несмазанная половица. — Кристина, ты взрослая, образованная женщина. Зачем ты пришла сюда что-то придумывать?

— Что придумывать, Римма Васильевна? Я просто хочу знать, где ее документы. Что с ней стало тем летом.

— Никаких документов нет, — отчеканила директриса, даже не моргнув. — Архивы старше пятнадцати лет списываются и уничтожаются по акту. Это во-первых. А во-вторых, что-то не помню я никаких Соколовых. С тобой вроде бы Оленька Зверева сидела, дружили вы.

Она подошла к Кристине вплотную, и в нос ударил резкий запах ее тяжелых ландышевых духов.

— Твои родители положили жизнь на то, чтобы вытащить тебя из этой истории чистой. Чтобы ты забыла этот кошмар, выучилась, стала человеком. А ты возвращаешься сюда через двадцать лет и начинаешь ковырять пальцем чужую беду? Тебе делать нечего в твоей столице?

— Но если ничего не было, почему все боятся даже произнести ее имя? — Кристина не отвела взгляда, чувствуя, как внутри закипает глухая злость.

— Потому что у порядочных людей есть стыд и желание жить дальше, — жестко оборвала директриса, указывая наманикюренным пальцем на входную дверь. — Занимайся бабушкиной квартирой, Кристина. И оставь школу в покое. Мне к первому сентября комиссию встречать, у меня ремонт. Разговор окончен. Всего доброго.

Римма Васильевна развернулась на каблуках и громко хлопнула дверь своего кабинета, повернув ключ в замке изнутри.

Кристина осталась стоять посреди пахнущего свежей краской вестибюля одна. Последняя официальная дверь за-

хлопнулась окончательно. Институты города держали круговую оборону намертво. То, что Кристина приехала продать бабушкину квартиру, Римма Васильевна уже знала. А вот имени девочки, с которой Кристина просидела за одной партой девять лет, она, видите ли, забыла. От этой лжи Кристина уже едва сдерживала гнев.

Звук захлопнувшейся двери кабинета гулким эхом прокатился по пустому коридору. Кристина спустилась со школьного крыльца, чувствуя, как от бессилия и духоты пересыхает во рту.

Бумажные архивы уничтожены, люди как дрессированные повторяют заученные фразы, двери заперты на амбарные замки. Но шел уже 2025 год. Мир вокруг изменился, и у нее в кармане лежал смартфон. Оцифрованные подшивки областных изданий, старые форумы начала нулевых, краеведческие паблики во «ВКонтакте», базы данных судебных решений или оцифрованные милицейские сводки происшествий — что-то из того августа обязано было просочиться в сеть. Стереть бумагу в закрытом провинциальном городке легко, но вычистить интернет до стерильности почти невозможно.

Она ускорила шаг, направляясь к дому. Проверять сеть лучше в тишине детской комнаты, пока родителей нет дома.

Во дворе царил сонный полуденный штиль. Единственным живым пятном на выжженном пятачке возле детской площадки была баба Вера. Старуха сидела на своей привыч-

ной деревянной скамейке в тени старой раскидистой липы, положив сухонькие, покрытые старческой сеточкой руки на потертую клеенчатую сумку, и зорко наблюдала за окнами и двором.

Кристина сбавила шаг. Баба Вера знала в этом доме всё и про всех: кто с кем разводится, кто пьет, сколько стоила дубленка соседки со второго этажа и кого из жильцов тридцать лет назад увезли на скорой с приступом аппендицита. Она была ходячим архивом сплетен всего района.

— Здравствуйте, баба Вера, — Кристина подошла ближе и опустила на свободный край лавочки. — Всё на посту? Не жарко вам на таком солнцепеке?

Старуха медленно повернула голову. Ее маленькие водянистые глаза под выцветшим ситцевым платком окинули го- стью с головы до ног, но на лице не появилось привычного для нее оживления завзятой сплетницы.

— Здравствуй, здравствуй, Кристинка, — прошамкала она, чуть сдвинувшись в сторону. — Где ж жарко? В тенечке ветерок пока тянет. А дома сидеть — кости ломит, задыхаюсь.

— А я вот все бабушкину квартиру разбираю, — Кристи- на аккуратно закинула наживку, заглядывая старухе в лицо. — Нашла наши старые фотокарточки с девчонками со двора. Аню Соколову вспомнила. Помните такую? Подружка моя, светленькая, вечно с нами крутилась.

Баба Вера замерла. Пальцы ее, машинально теребившие

край клеенки, сжались в сухой узел.

— А чего ж не помнить... — пробормотала она, глядя куда-то в сторону пыльного забора детского сада. Но в голосе не было привычного ядовитого азарта. Никаких подробностей, никаких причитаний. — Была такая вроде. Жила неподалеку. Мать у нее гулящая была, отчим руки распускал, пили беспробудно. Девка сама по себе бегала, беспризорная почти.

— А что с ней случилось-то тем летом, перед самым моим отъездом? — Кристина подалась вперед, понизив голос. — Говорят, утонула? Тело хоть нашли?

Старуха вдруг странно дернула плечом, словно на нее повеяло ледяным сквозняком, и торопливо отвела глаза:

— Да кто ж теперь разберет... Говорили — утонула. В омуте там завихрения страшные, сколько народу на том карьере сгинуло. Всякое болтали. Вода забрала, да и дело с концом.

— Но вы же сами мне позавчера сказали у подъезда: «Двадцать лет тебя там всё ждет». И Олег Волков дергается при одном ее имени, и Римма Васильевна из школы меня выставила, — Кристина не сдавалась, пытаясь поймать ее ускользающий взгляд. — Баба Вера, вы же всех в этом дворе насквозь видели. Вы половину города знаете. Что тогда произошло?

Старуха тяжело, прерывисто вздохнула. Лицо ее вдруг обмякло, на нем проступила глухая, тупая усталость. Еще вчера она в мельчайших подробностях расписывала, как два-

дцать пять лет назад бабушка Кристины покупала чешский сервиз в универмаге с черного входа, а сейчас словно надела на себя глухой панцирь.

— Ой, Крестинка, отстань ты от меня, Христа ради, — баба Вера с кряхтением поднялась со скамейки, с силой опираясь сухой ладонью об колено. Голос ее стал деревянным, отрешенным. — Старая я стала. Восемьдесят седьмой годок пошел. Память-то совсем дырявая, как решето, вчерашний день не упомяну, куда таблетки положила — и то ищу по полдню. Что там двадцать лет назад было... Кто ж упомянит? Сказала и сказала, ты сама себе надумала что-то. Не мути воду, девка. Иди своей дорогой.

Она подхватила сумку и, мелко шаркая стоптанными парусиновыми тапками, почти торопливо посеменила к подъезду, даже не обернувшись.

Кристина осталась сидеть на лавке под сенью старой липы.

Листья над головой тихо шелестели, раскаленный воздух вибрировал от полуденного зноя. Но внутри у нее все заledenело от абсолютной, кристальной ясности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.